

Резко осуждая церковные реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, Аввакум пытался поставить их в связь не только с *шведским восстанием*, но и с другими «*междуусобиями*» своего времени, в особенности с крестьянской войной под руководством Разина (1667—1671 гг.). Он рассматривал эти движения в числе всех тех грозных и опустошительных явлений, которые, как ему казалось, возникают по «*божьей воле*» в качестве наказания «за умножение беззакония грешных человек»,⁶⁷ и прежде всего за нарушение «старой веры». Источником этих «беззаконий» были царь и «*никониане*». С тех пор как были приняты «еретические уставы», — писал Аввакум в 1677 г., — много пагубы бывало: мор на всю землю, и сеча, и междуусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки» (470).⁶⁸ В других случаях Аввакум подробнее пояснял эту свою мысль: «С начала бляди сея нововводныя пагуба была всемирная при нашем зрении мором во всю землю Рускую ... во градах и селах пусто зделал бог. Таже кровопролитие с польскими. Таже междуусобие с Разиным ... яко звезд небесных и яко каплей дождевых толико пало глав человеческих». ⁶⁹ Далее Аввакум еще больше расширял круг этих представлений: «Не явно ли то бысть в нашей России бедной? Разовщина, возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба,⁷⁰ и мор, и война, и иная многа. Отврати лице свое владыка, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе». ⁷¹ В этом изложении обращает на себя внимание характерная деталь: традиционное выражение «грех ради наших», при помощи которого, например, Афанасий Холмогорский объяснял повстанческое движение раскольников в 1682 г.,⁷² Аввакум приводит здесь неполностью («возмущение грех ради»), считая, очевидно, что это возмездие последовало не за всеобщие «грехи», а, как сказано у него выше, лишь за преступления людей «начальных» (470), т. е. духовной и светской верхушки общества.

Называя народные восстания «междуусобиями», Аввакум дал им следующую обобщенную оценку: «А еже возвещает о мятежах межусобных, и то праведен суд божий».⁷³ Таким образом, в противоречивых представлениях Аввакума эти народные восстания выступали то как «праведен суд» — небесное возмездие царской и церковной власти за их действия, то как «пагуба», приносящая отечеству опустошение и кровопролитие. Все эти высказывания Аввакума не могли остаться не замеченными его читателями-современниками, противниками или сторонниками, а порой, очевидно, и участниками многих крупных и мелких народных восстаний, «бунтов» и «мятежей» этой эпохи.

среди которых, возможно, было и его послание, относящееся к вопросам раскольникового общинного уклада, где приводилась цитированная выше легенда. Таким образом прослеживаются истоки данной старины.

⁶⁷ Послание к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне Житие, стр. 274.

⁶⁸ Аввакум имел в виду следующие события: «мор» — сильнейшая эпидемия чумы (1654 г.), «сеча» — длительные войны с Польшей (1654—1667 гг., с перерывами) и со Швецией (1656, 1657—1658, 1661 гг.).

⁶⁹ Послание к неизвестным. А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум СПб., 1900, Приложения (далее: А. К. Бороздин), стр. 33, ср.: ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 115 об.

⁷⁰ Имеется в виду «разиновщина» и «медный бунт» — восстание посадских людей в Москве в 1662 г.

⁷¹ Послание к Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне Житие, стр. 274.

⁷² [Афанасий, архиепископ Холмогорский]. Увет духовный. М., 1682 (далее: Увет духовный), л. 54 об.

⁷³ ГБЛ, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 87.